

Евг. ВОРОНОВ

**<Рец. на кн.:> *Сергей Булгаков.*
От марксизма к идеализму. Сборник статей
(1896—1903). Петербург, 1904**

Первые три статьи этой книги * являются памятником марксистского периода русской общественной мысли; что же касается остальных **, то они представляют весьма любопытную идеалистическую — нельзя сказать философию; — а публицистику. Виноваты ли в том условия русской жизни, или такова уж наша национальная психика — не знаю, но факт остается фактом: критика, естествознание, экономическая наука, даже сама Венера Милоская (см. «Выпрямила» Гл. Успенского) — все это являлось у нас предметом публицистики, граничило с ней и в нее переходило. И в то же время все главные «школы» русской публицистики всегда стояли и продолжают стоять в резком конфликте с русской жизнью. В жизни пренебрегали человеком и обижали его, но зато он со своими духовными запросами и материальными нуждами всегда стоял в центре литературы. Гуманизм — это одна «образующая» сторона нашего интеллектуального и духовного развития. Другой такой стороной его является бессознательный идеализм, который царит на всем протяжении русской литературы от Кантемира¹ до г. Булгакова. Поэтому не правы те, кто считает новейшие течения русской общестственности наносными. Напротив, эти течения естественно

* «О закономерности социальных явлений», «Закон причинности» и «Хозяйство и право».

** «Иван Карамазов», «Основная проблема теории прогресса», «Душевная драма Герцена», «Что дает современному сознанию философия Вл. Соловьева», «Об экономическом идеале», «О социальном идеале» и «Задачи политической экономии».

связаны со всем предыдущим развитием русской общественной мысли, и новый русский идеализм, с провозглашенным им «естественным правом человека», лишь стремится сознательно формулировать, кристаллизовать, так сказать, все то, чем была насыщена и пропитана еще прежде него духовная жизнь русской интеллигенции.

Но полная формулировка этого идеализма, сознательная его систематизация могут быть достигнуты только в будущем. Теперь же, в трудах г. Булгакова, это направление является перед читателем еще несовершеннолетним и, может быть, даже не вышедшим из горнила сомнения. Оттого оно так яростно, так кипуче, так страстно. К таким книгам, как сборник г. Булгакова, столь далекий от философской систематики и представляющий в сущности лишь исповедь о зарождении и о муках родов нового мирозерцания, нельзя подходить с обычным критическим шаблоном... Нельзя требовать от расплавленного металла правильной кристаллизации. Дайте ему вылиться в окончательную форму, застыть в ней — и тогда приходите со всем арсеналом ученой критики.

Говорят еще, что «философия» г. Булгакова реакционна. Старая сказка! Непрошенные друзья прогресса артистически жонглируют словами «прогресс» и «реакция». Нужно быть хоть немного знакомым с историей русского общества и помнить, что Тургеневу и Писареву, Толстому и Бакунину², Пушкину и Герцену также бросали некогда в лицо обвинение в «реакционерстве». Удовлетвориться одним знанием действительности человек не может. Метафизика и вера часто, если не всегда проникали в самые строгие позитивные системы. Нагнать их вполне можно только ценою самоубийства духа. Но хочется верить, что он жив еще и у современных блюстителей позитивного этикета. С их стороны презрительное отношение к работам г. Булгакова может быть объяснено лишь известной мертвенной схоластичностью нашего отечественного позитивизма. Для схоластиков позитивизма опыты г. Булгакова реакционны лишь потому, что естественные права и освобождение человека провозглашены им не «от печки» (вспомните старый анекдот), — т. е. не исходя от философско-научного эмпиризма, а со стороны сверхопытной. Из понятий «Бог», «Человек», «Идеал», стоящих в центре современного мирозерцания, расходятся радиусы ко всем вечным и насущным, «проклятым» вопросам. Благая весть о будущем освобождении человечества, идущая с метафизически-религиозной стороны, становится неуязвимой для рационалистической критики и приобретает новую непобе-

димую силу. Но опытная наука вовсе не исключается новым мирозерцанием, а сама входит в него в качестве одного из средств для достижения идеала.

«Всякая страстная речь — прекрасна», — говорил Карлейль³, и в этом смысле книга г. Булгакова может доставить читателю даже эстетическое наслаждение. Рекомендовать ее можно и в качестве одной из тех благородных, «беспокойных» книг, которые фильтруют умы и являются злейшими врагами самодовольного филистерства (независимо от того, консервативно оно, либерально или же радикально).

В какую сторону идет г. Булгаков — это поймет каждый добросовестный читатель, но *куда* он придет и *где* остановится — пока неизвестно. Во всяком случае этот писатель — величина, с которой русской литературе и общественности и теперь, и в будущем надо считаться.

